

ное в ней это начало — впечатление заброшенности этого старого гнезда и печати забвения, которая легла на всех писаниях первого владельца: «После обеда ездили мы в Ферней (из Женевы). Надобно иметь самое пылкое и творческое воображение, чтоб представить себе в этом небольшом, обветшалом доме бывшую столицу европейского философа, из которой он переписывался с государями, трогал, смешил, дурачил и обманывал Европу».¹⁹ В середине 20-х годов Ферней подробно описал А. Глаголев в своих «Записках русского путешественника». Однако этот бесталаный московский писатель, сумевший, однако, приобрести степени магистра и доктора словесных наук за свои пухлые и бессодержательные труды вроде «Умозрительных и опытных оснований словесности» (1834—1845), в наследии Вольтера разбирался еще меньше, чем Н. Греч. А. Глаголев тщательно рассмотрел фернейский сад и дом, занес в свою записную книжку все, что казалось ему достойным внимания, отметив, например, неудачное, по его мнению, местоположение «замка», который «обращен фасадом не к озеру и горам альпийским, как следовало бы по направлению холмов», а «к церкви и аллее, упирающейся в Жесскую дорогу», — он приписал это «недоразумению архитектора или прихотливому вкусу хозяина» — а затем представил свою характеристику Вольтера, удивительную по своей беспомощности и наивности.²⁰ Впрочем, таким же представляется автор и во всех трех частях своих записок, тем не менее выдержавших два издания.

Не очень далеко от А. Глаголева ушел также М. П. Погодин, уделивший Фернею страницу в описании своего заграничного путешествия 1839 г. Он также ездил в Ферней, удивился «небольшому двухэтажному дому» Вольтера, «который принадлежит теперь какому-то маркизу», прогулялся по комнатам и по саду и задумался об его старом хозяине. «Что сказать о Вольтере? Об нем все сказано и пересказано. Ничак не могу я понять его образа действий, со всеми его прихожанами, так называемыми философами осмнадцатого столетия!» и т. д. Больше внимания Погодин уделил не Вольтеру, а его служителю — «высокому старику, седому, в плюсовой куртке», исполнявшему в Фернее обязанности гида. «Уж не бессмертен ли он?» — сказал о нем Погодину его спутник. «В самом деле, такая длинная жизнь кажется несколько подозрительною, — подумал про себя путешественник. — Вот человек, который мог видеть все фазы человеческой славы, Вольтеровой славы, по числу путешественников, приезжавших со всех сторон поклоняться Вольтеру. Чуть ли не последняя

¹⁹ Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.—Л., 1960, стр. 97—98. (Серия «Литературные памятники» АН СССР).

²⁰ А. Глаголев. Записки русского путешественника, ч. III. Изд. 2-е, СПб., 1845, стр. 17—33 («Фернейский замок»).